

„За счастливую долю народную“ ...

(Воспоминания печатаются без изменения стиля и орфографии).

21. 09. 1908 г. в с. Карлинское (ныне Майнский район) был открыт новый храм. Таких красивых строений в уезде еще не было. Накануне этого события карлинский священник С. П. Петровский был зачислен студентом Петербургской Духовной Академии. Но в связи с событиями, описанными им ниже, Сергей Петрович не покинул наши края и остался при храме. Деятельность Петровского была многогранной: просветительство, помощь сиротам и беднякам. Благодаря его неугасимой энергии в селе был открыт Дом трезвости. 10 тысяч мужиков дали здесь обет трезвости, покончив с пьянством. Смысл своей жизни священник определил так: „За счастливую долю народную жизнь всю до капли отдать“. Похоронив в 20-е годы многих своих близких, отец Сергей сам был арестован в 1929 году и незадолго до смерти освобожден, будучи тяжело больным туберкулезом. Скончался Петровский 16 января 1933 года, а слава о деяниях этого скромного человека живет и поныне.

Сергей Петровский с женой и сыном
(фото из архива Т.А. Громовой);

По приезде домой (из Петербурга – прим. ред.) я позаботился о приготовлении престола жертвенника и о подготовке торжества освящения нового храма, которое было назначено на 21 сентября (1908 г.), на что было уже дано разрешение и благословение местного Архиепископа Иакова. Среди этих хлопот и забот, конечно, стало известно приходу, что из Карлинского я скоро уйду и место священника будет праздным. Эта весть была подобна набату, который будит спящих и ко мне небольшими партиями стали приходить мужчины и женщины, спрашивая, действительно ли справедлив слух о моем уходе и нельзя ли мне оставить это мое намерение. Я, конечно, всем определенно и ясно заявил, что мой уход - факт уже совершившийся и я в настоящее время не священник села Карлинского, а студент Петербургской Духовной Академии... Как реагировали мои прихожане на мое заявление там, между собой, я не знаю. Но вот наступил и канун 21-го сентября. Съехались на освящение приглашенные духовные лица, приехали мои родители, стеклось много своего и чужого народа, и началась обычным порядком всенощная. Закончилась эта первая служба в новом храме, замерли в высоких сводах последние звуки песнопений, но почему же, смотрю я, народ не идет из церкви? Любуется ли он своим новым храмом или все еще восторгается впервые услышанным его резонансом? Стою я в недоумении и вижу, что взоры всех устремлены на меня. Из толпы выделяются два-три человека и спрашивают меня, справедлив ли слух, что я оставляю Карлинское? И когда я подтвердил достоверность этого слуха и указал на то, что мной уже ликвидированы все хозяйственные дела и все приготовлено к отъезду, - тогда меня стали просить, нельзя ли мне отменить свое намерение и остаться в Карлинском. Я возразил, что просьба эта меня весьма удивила, что я не подозревал даже присутствие таких добрых чувств ко мне у карлинцев и что уже мое дело слишком далеко зашло вперед, чтобы можно было от него мне отказаться... И вижу я, что по этим морщинистым лицам катятся одна за другой слезы, а некто М. П. В-в - умный, речистый, средних лет мужчина, - вынул свой красный платок и, утирая градом катившиеся слезы, говорит, зачем я уйду, зачем оставляю их сиротами, что с моим уходом этот великолепный храм опустеет и т. п.... Признаюсь, я испугался этих слез. Сначала я думал, что это только простая деликатность и потому не придавал серьезного значения этому разговору, обычному в подобных случаях. Но слезы, которые я увидел на многих глазах, заставили иначе взглянуть на дело. Я по опыту знал, в каких редких случаях плачет деревенский мужик. Часто без одной слезинки он опускает в могилу самых близких и дорогих лиц, а тут он оплакивает своего священника, и при том так мало еще послужившего ему. И когда эта окружающая меня толпа после всех слез и тщетных просьб поставила мне

вопрос “да” или “нет”, - я нашелся только одно ей сказать, что “я подумаю” и свой последний ответ дам на другой день после освящения нового храма, когда я буду служить первую Литургию по его освящению. Мы разошлись. Дома мои собратья-гости, разговаривая по поводу этой сцены, которой они были очевидцами, говорили, что хотя это и отрадное явление, но, вероятно, я останусь при своем мнении. Я имел разговор со своей женой и понял, что ее мысли были за Академию... Я остался с таким хаосом дум и чувств, что привести их в порядок и что-нибудь решить не имел никакой возможности.

День освящения храма прошел своим порядком, было много хлопот, волнений, и я ни минуты в этот день не мог принадлежать себе, чтобы обдумать свое положение и вынести в душе своей ответ на тот роковой вопрос, какой мне был задан накануне. “Что же я им скажу?” Да, вероятно, скажу то, думалось мне, что уже поздно перерешать такие вопросы, дело зашло слишком далеко вперед, чтобы можно было возвращаться назад, да к тому же я уже почти все распродал! В таком разнообразии дум и чувств меня застало утро 22 сентября, когда я должен был служить Литургию в новом храме и сказать свое последнее слово. Но так как это слово у меня не вылилось в душе в определенную форму, то я придумал отслужить еще 26 сентября, в день Иоанна Богослова, сделать этот день прощальным днем и, сказавши своей пастве свое последнее “прости”, уехать в этот же день в Петербург.

Отзвонили к обедне, сошелся народ, началась обычная служба. Когда, по окончании Литургии, я вышел с св. крестом, народ видит, что я молчу, пробежали, по обыкновению, детишки, стали было подходить некоторые взрослые, но их вдруг останавливает сельский староста М. М. Шешмин и, обращаясь ко мне, говорит: “Ну, теперь, батюшка, скажи нам свое последнее слово!” Толпа замерла. Я же, сжимая в руках св. крест, опустил свою голову, как бы собираясь с мыслями что им сказать? И в этот момент прихожане пали на колени с просьбой: “Не уходи, пожалей нас, останься!..”. Я стоял, как громом пораженный, эта картина потрясла все мое существо, я не смел верить, что этот взрыв глубоких народных чувств относится ко мне, я считал себя в сотой доле и даже еще менее того достойным таких слез, таких просьб, таких молений... Но вот среди воцарившейся снова тишины слышится ровный и старчески-ласкающий голос одного из прихожан, 75-летнего старца С. А. С-ова: “Батюшка! Ты хочешь высокой науки, ты уезжаешь в столицу, но посмотри, что ты покидаешь: ты покидаешь народ, который так тебя любит, так просит тебя остаться. А ведь любовь-то дороже и выше всего! Останься, отмени свое намерение!” “Останься, останься!” - как эхо, снова проשמело по церкви. После этих глубоких по смыслу и чувству слов, после этой потрясающей картины у меня не стало больше ни сомнений, ни колебаний, я услышал в этом народном голосе голос Божий и повиновался ему. “Я остаюсь, - сказал я громко народу, - да будет воля Божия и ваше желанье!” Крики радости огласили храм, и слезы горечи и разлуки сменились слезами радости и умиления. Плакал народ, плакал я, плакал причт. Стали служить

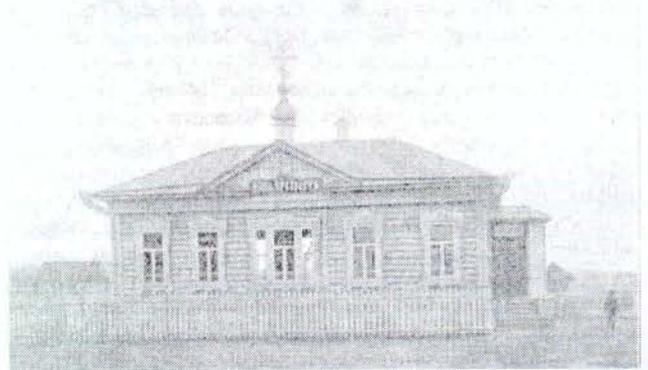
благодарственный молебен и, подходя по окончании его к кресту, - кланялись мне и благодарили, благодарили без конца... Я вернулся домой, переполненный избытком самых возвышенных, самых лучших чувств, и, рассказывая семье происшедшее в церкви, сказал, что сегодня был самый счастливейший день моей жизни! В этот же день я написал два заявления - одно в Академию, а другое местному Архиепископу, - что по соображениям чисто пастырского характера, я отказываюсь от Академии и остаюсь в Карлинском. И академия, и ее экзамены, которые стоили столько бессонных ночей, и академическая церковь, где я служил, и вековая липовая аллея - все это пронеслось и скрылось от меня, как в каком-то волшебном сне. Но зато сцена, которую я пережил в новом Карлинском храме, была поворотным пунктом моего пастырства, тогда я убедился и голос Божий сказал мне, что я должен принадлежать простому народу и за счастливую долю народную жизнь всю до конца отдать”...

Сергей Петровский

(Из воспоминаний)

Подготовил В. К. Кузьмин

“Дом трезвости” в с. Карлинское, 1913 г.

Храм во имя Покрова Пр. Богородицы, с. Карлинское, 1908 г.

